

К 90-летию декрета «О красном терроре»

5 сентября 2008 года исполняется 90 лет с даты принятия советским правительством декрета «О красном терроре», ставшего законодательной базой для проведения масштабных репрессий в отношении имущих слоев населения: священнослужителей, интеллигенции, предпринимателей, офицеров, чиновников.

При этом физическое истребление негодных режиму началось еще осенью 1917 г.

В первую неделю после Октябрьского переворота, 31 октября 1917 г., в Царском Селе в Петрограде красногвардейцами был убит протоиерей Иоанн Кочуров.

В период с декабря 1917 г. по январь 1918 г. в одном Севастополе было зверски убито около 800 офицеров и гражданских лиц. В Евпатории казнили свыше 300 человек, предварительно подвергнув их мучительным пыткам. Казни производились на гидрокрейсере «Румыния» и транспортном судне «Трувор». Жертву выводили из трюма на палубу, раздевали, отрезали нос, уши, губы, половые органы, отрубали руки, ноги и сбрасывали в море.

В Симферополе «врагов революции» убивали на железнодорожном вокзале. Несчастных избивали прикладами, кололи штыками, живыми бросали в паровозные топки...

Вспышками невероятной жестокости сопровождалось подавление восстаний в Ярославле, Рыбинске, Муроме, Ливнах.

Именно к этому периоду относятся указания Ленина с требованиями «провести беспощадный массовый террор против кулаков, попов и белогвардейцев», «расстреливать заговорщиков и колеблющихся, никого не спрашивая и не допуская идиотской волокиты».

Широко практиковалось взятие заложников и их расстрелы. Так, в июле 1918 г. по распоряжению Сарапульского совета были казнены 200 уфимских заложников, вывезенных красными в мае 1918 г. при оставлении ими Уфы. Несчастных жестоко избивали, рубили топорами и шашками, железными колотушками разбивали им головы, а затем обезображенные тела сбрасывали в бурлящую реку.

В ночь с 16 на 17 июля 1918 года по указанию Ленина и Свердлова была расстреляна царская семья. За три дня до этого в Перми был убит брат Николая II, великий князь Михаил Александрович, а на следующий день после гибели царской семьи убиты еще шестеро членов дома Романовых, содержащихся в Алапаевске.

Однако все эти ужасы были прелюдией к гораздо более страшным и кровавым событиям.

30 августа 1918 г. социалистом Л. Каннегиссером был убит народный комиссар Петроградской коммуны и председатель Петроградской ЧК Моисей Соломонович Урицкий. В тот же день было совершено покушение на жизнь В. И. Ленина. На эти два террористических акта власти ответили массовыми репрессиями, на фоне которых померкли все прежние зверства.

Отныне физическому истреблению реальных и мнимых противников большевизма был придан официальный статус и общегосударственный, тотальный размах.

«Трудящиеся, - писала газета «Правда» 31 августа 1918 года, - настал час, когда мы должны уничтожить буржуазию, если мы не хотим, чтобы буржуазия уничтожила нас. Наши города должны быть беспощадно очищены от буржуазной гнили. Все эти господа будут поставлены на учет и те из них, кто представляет опасность для революционного класса, уничтожены. <...> Гимном рабочего класса отныне будет песня ненависти и мести!»

2 сентября 1918 г. было принято постановление ВЦИК, а 5 сентября - постановление Совнаркома «О красном терроре», согласно которому расстрелу подлежали «все лица, прикосновенные к белогвардейским организациям, заговорам и мятежам». Особенно примечательно здесь слово «прикосновенные». При желании

под эту формулировку можно было подвести любого.

Кроме того, органам ВЧК было официально предоставлено право выносить приговоры и изолировать всех потенциальных врагов большевизма в концентрационные лагеря.

Во исполнение постановления СНК «О красном терроре» наркомом внутренних дел Г. И. Петровским был издан приказ о массовом взятии заложников из числа бывших правящих классов, офицеров, интеллигенции. В случае «малейшего движения в белогвардейской среде» к заложникам предлагалось применять «безоговорочный массовый расстрел».

И - закрутилось. В сентябре 1918 г. только в Москве было расстреляно до 800 человек, среди них - бывший министр внутренних дел Алексей Хвостов, бывший глава Госсовета и министр юстиции Иван Щегловитов и бывший товарищ министра внутренних дел Степан Белецкий.

Расстрелы проходили на Ходынском поле, Серебряном бору и Ваганьково. Обреченных в одном белье везли к месту казни, выстраивали в шеренгу перед заранее подготовленными могилами, приказывали повернуться, после чего стреляли им в головы. Иногда при расстрелах играл военный оркестр.

В Петрограде в тот же период, по официальным советским данным, было расстреляно 512 человек, однако в это число не вошли несколько сот офицеров и гражданских лиц, казненных в Кронштадте по инициативе местных властей. С учетом их число умерщвленных составляет 1300 человек.

Один из очевидцев так вспоминал о начале террора в Петрограде: «Вблизи Театральной площади я видел идущих в строю группу в 500-600 офицеров, причем первые две шеренги арестованных составляли георгиевские кавалеры (на шинелях без погон резко выделялись белые крестики)... Было как-то ужасно и дико видеть, что боевых офицеров ведут на расстрел 15 мальчишек-красноармейцев!».

Начавшись в обеих столицах, эта кампания вскоре прокатилась и по другим городам. Так, начиная с 31 августа нижегородская ЧК под руководством Николая Булганина (будущего главы правительства СССР в 1955-1958 годах) расстреляла 141 заложника; в Вятке эвакуированная из Екатеринбурга Уральская ЧК отработала о расстреле за неделю 409 человек.

Помимо ЧК и ревтрибуналов, в дело искоренения «внутренней контрреволюции» включились регулярные армейские части.

Каждое вступление красных в какое-либо селение или город оборачивалось повальными грабежами и массовыми расправами.

Наглядным подтверждением этому служат деяния карательного отряда М. Мандельбаума, что действовал на севере России в Печерском уезде. В селениях, чьи жители оказывали поддержку белогвардейцам, мужское население истреблялось до последнего человека, включая стариков и детей. По отношению к женщинам убийцы проявляли известное «милосердие»: насиловали, но сохраняли большинству из них жизнь.

Не меньшие ужасы творились и на Юге России.

После захвата красными Ставрополя в городе были зверски убиты более сотни «буржуев»: гимназистов, офицеров, студентов, чиновников. Расправами руководил заместитель председателя Северо-Кавказской ЧК Г. А. Атарбеков, незадолго перед этим устроивший кровавую резню в Пятигорске.

Страшные события разыгрались в Казани. Вступление в город частей Красной Армии ознаменовалось жестоким побоищем. Жителей города расстреливали целыми семьями, так что всего неделю спустя советская печать сообщала: «Казань пуста. Ни одного попа, ни монаха, ни буржуя. Некого и расстрелять. Вынесено всего 6 смертных приговоров».

Чудовищная жестокость царил на Дону. Именно здесь большевистский террор приобрел отчетливые черты геноцида.

24 января 1919 г. Оргбюро ЦК РКП (б) выпустило директиву за подписью Свердлова, предписывающую «провести массовый террор против богатых казаков, истребив их поголовно; провести беспощадный массовый террор по отношению ко всем вообще казакам, принимавшим какое-либо прямое или косвенное участие в борьбе с Советской властью». По отношению к среднему казачеству предписывалось применять «все те меры, которые дают гарантию от каких-либо попыток с его стороны к новым выступлениям против Советской власти».

Начались невиданные в российской истории массовые убийства казачества. Было запрещено само слово «казак», ношение фуражек, погон и лампасов.

Населенные пункты обкладывались денежной контрибуцией, за неуплату которой полагался расстрел. Станицы переименовывались в волости, хутора — в села. Во главе станиц ставили комиссаров из числа инородцев - евреев, австрийцев и венгров, которые свирепствовали всюду.

По хуторам разъезжали специальные карательные отряды, ежедневно казнившие по 40-60 человек. Расправы осуществлялись при помощи пулеметов, поскольку одними винтовками за раз осуществить умерщвление такого количества «классово чуждых» не представлялось возможным.

Вот так, по свидетельству очевидца этих страшных событий, участника Вешенского восстания Я. Назарова, проводилось «изъятие контрреволюционного элемента» в станице Казанской: «Каждую ночь отряд большевиков, расположенный в нашей станице, арестовывал многих лиц и сажал в комендантское управление. Никто оттуда не возвращался: всех расстреливали. Расстрелы производились в поле, за станицей, обыкновенно - ночью. Арестованные сами рыли себе ямы. Ямы были не очень глубоки, и станичные собаки грызли трупы расстрелянных...»

Когда казаки не выдержали и восстали, геноцид на Дону перешел в новую страшную фазу.

Директива РВС 8-й армии от 16 марта 1919 г. подписью А. Колегаева предписывала массовые расстрелы «всех без исключения лиц, принимавших прямое или косвенное участие в восстании», а выпущенная на следующий день директива за подписью И. Якира приказывала войскам «пройти огнем и мечом местность, объятую мятежом».

Против повстанцев бросались отряды карателей; станицы и хутора сносились артиллерийским огнем...

Всего за годы гражданской войны погибло более 2 млн. казаков.

* * *

Жертвами большевистских репрессий стали не только имущие классы.

Так, в марте 1919 г. забастовали рабочие Астрахани. В городе собрался многотысячный митинг, участники которого обсуждали свое тяжелейшее материальное положение.

По личному распоряжению председателя Временного военно-революционного комитета Астраханской губернии С.М. Кирова, митинг был оцеплен войсками. По людям открыли огонь из винтовок и пулеметов, площадь забросали ручными гранатами.

Почти все оставшиеся в живых участники митинга были арестованы и вскоре расстреляны. Трупы казненных едва успевали свозить на кладбище, где они горами сваливались прямо на землю.

С не менее зверской жестокостью были разогнаны забастовки в Петрограде, Туле и Брянске.

Массовыми репрессиями по отношению к мирному населению сопровождалось установление советской власти на Украине. Искоренение «врагов революции» здесь сразу обрело гипертрофированные, жуткие формы.

В Харькове перед приходом белых ежедневно расстреливалось 40-50 человек. В распоряжении ЧК имелась специальная китайская рота, солдаты которой пытали арестованных при допросах и приводили в исполнение смертные приговоры.

Особыми зверствами прославился комендант харьковского концентрационного лагеря, маньяк и убийца Саенко, обожавший пытать арестованных во время допроса, на сантиметр вонзая в них шашку и медленно поворачивая клинок внутри раны.

Не отставали от Саенко и другие чекисты. К примеру, следователь Мирошниченко направлял на допрашиваемого револьвер и предлагал тому признать свою вину, угрожая в противном случае пустить оружие в ход. Аналогичным образом действовал другой чекистский следователь, 18-летний Иесель Майкин. Приставив вороненый ствол браунинга к голове своей жертвы, «пламенный борец с буржуазией» говорил: «От правильного ответа зависит ваша жизнь».

После занятия Харькова частями Добровольческой армии следователи деникинской комиссии по расследованию злодеяний и беззаконий большевиков обнаружили сотни обезображенных трупов: тела с многочисленными переломами ребер, перебитыми голеньями, отрубленными конечностями и размозженными черепами. В подвалах находили распятых на полу людей и привинченных к полу винтами. У многих женщин была содрана кожа на руках и ногах...

Судебно-медицинской экспертизой будет впоследствии установлено, что значительное количество этих увечий казненные получили при жизни.

Наряду с Харьковом, наибольшего размаха террор достиг в Киеве. В городе работало шестнадцать «чрезвычайек», действовавших независимо друг от друга, так что человек, чудом вырвавшийся из одной, мог сразу попасть в другую.

Среди палачей киевской ЧК видную роль играл соратник Дзержинского, член коллегии ВЧК, Мартын Янович Лацис, командированный на Украину в апреле 1919 г. для «помощи местным органам в организации чекистского аппарата».

Вот так, согласно данным комиссии генерала Рерберга, производившей расследование в Киеве сразу же после прихода Добровольческой армии, выглядело одно из мест экзекуций, принадлежавшее губернской ЧК: «Весь цементный пол большого гаража был залит уже не бежавшей вследствие жары, а стоявшей на несколько дюймов кровью, смешанной в ужасающую массу с мозгом, черепными костями, клочьями волос и другими человеческими останками. Все стены были забрызганы кровью, на них рядом с тысячами дыр от пуль налипли частицы мозга и куски головной кожи. Из середины гаража в соседнее помещение, где был подземный сток, вел желоб в четверть метра ширины и глубины и приблизительно в десять метров длины. Этот желоб был на всем протяжении доверху наполнен кровью...»

Всего в Киеве следователи деникинской комиссии обнаружили 4800 трупов казненных. Но приведенную цифру отнюдь нельзя назвать полной, поскольку в некоторых захоронениях не представлялось возможным сосчитать тела из-за сильного разложения, а по данным населения, количество исчезнувших в «чрезвычайках» горожан составило свыше 12 тыс. человек.

Размахом террора «прославилась» и одесская ЧК. В течение четырех месяцев - с апреля по август 1919 г. - в городе было расстреляно более 2 тыс. человек. Помимо расстрелов, практиковались и более изощренные способы казней. Известны, в частности, случаи, когда обреченных связывали цепями и медленно погружали в корабельные печи.

Среди одесских чекистов наибольшей жестокостью «отличилась» молодая женщина Вера Гребеннюкова по прозвищу «товарищ Дора». О ее злодеяниях ходили легенды. Она в буквальном смысле слова терзала свои жертвы: вырывала волосы, отрубала конечности, отрезала уши, выворачивала скулы. В течение двух с половиной месяцев ею было убито свыше 700 человек.

Точное количество жертв красного террора установить невозможно. Чекистами намеренно приводились смехотворно низкие цифры. Так, по утверждению члена коллегии ВЧК, М.Лациса, за вторую половину 1918-1919 г. по постановлениям ЧК было расстреляно, в общей сложности, 9641 человек. По данным Особой комиссии генерала Деникина по расследованию большевистских преступлений, число погибших в России в результате террора, составило 1 766 118 человек.

Разумеется, приведенная цифра является весьма приблизительной. Но даже в этом случае она в достаточной мере отражает масштабы трагедии.

* * *

Разгром белых армий и ликвидация фронтов гражданской войны не привели к сокращению масштабов репрессий.

Как отмечал известный русский историк С.П. Мельгунов, «это была уже не гражданская война, а уничтожение прежнего противника. Это был акт устрашения для будущего».

Во вновь захваченных красными городах шли повальные обыски и аресты, причем, значительное число арестованных сразу обрекалось на смерть.

В Ростове казнили по 100 человек ежедневно. В Одессе чекисты только за одну ночь расстреляли 1200

офицеров, взятых в плен и помещенных в концлагерь.

Практиковались и публичные казни. В частности, «за недоносительство» в Ставрополе были публично зарублены шашками 60 человек - женщин, стариков и детей.

На севере России свирепствовал уполномоченный Особого отдела ВЧК М. С. Кедров. Сдавшихся в плен офицеров и солдат Белой армии он отправлял в Холмогорский концлагерь, по сути, обрекая их на верную гибель.

Планомерное истребление «буржуазии» происходило в течение всей весны и лета 1920 года.

Несчастных погружали на баржи и открывали по ним огонь из пулеметов. Многие были утоплены в море. К началу сентября Архангельск называли «городом мертвых», а Холмогоры - «усыпальницей русской молодежи».

Подлинный ад воцарился в Сибири и на Дальнем Востоке.

Так, после трех месяцев господства «красных партизан» в Николаевске-на-Амуре из более чем 12-тысячного населения города уцелело только 2 тысячи жителей, а от самого города осталась лишь груда железа, камня и бревен.

На полную мощность заработали конвейеры смерти в Екатеринбурге, Иркутске и Омске.

Вот что вспоминала о деятельности Иркутской ЧК возлюбленная адмирала А.В. Колчака, Анна Васильевна Тимирева - в то время заключенная женского корпуса Иркутской губернской тюрьмы: «... начались расстрелы - по 40,80, 120 человек за раз. По субботам и понедельникам мы не спали. Смотрели, прижавшись к решеткам, как пачками выводят людей...»

Однако все эти зверства бледнеют в сравнении тем, что было учинено большевиками в Крыму. В длинном перечне преступлений режима, совершенных во время гражданской войны, крымская трагедия занимает особое место.

После эвакуации армии П.Н.Врангеля осенью 1920 г. в Крыму оставались тысячи офицеров и солдат Белой армии, гражданских и военных чиновников, беженцев, не сумевших или не захотевших покинуть страну. Все эти люди были обречены на расправу, так как, по мнению советского руководства, являли собой источник потенциальной угрозы.

Сразу же после занятия полуострова войсками Южного фронта в Крыму началась кровавая бойня, оставившая далеко позади все прежние ужасы.

Поначалу истребление «буржуазии» носило преимущественно стихийный характер.

В частности, в Симферополе, Алушке и Ялте вступление частей Красной Армии ознаменовалось массовыми убийствами раненых, оставленных Врангелем под защитой Международного Красного Креста и находящихся на излечении в госпиталях и больницах.

Несчастных вытаскивали из больничных коек, выволакивали во двор и там убивали. Медицинский персонал, пытавшийся помешать этой дикости, уничтожался наравне с пациентами.

Помимо кровавых расправ, значительное распространение среди красноармейцев и матросов получило насилие над женщинами и откровенные грабежи.

Согласно свидетельству очевидца, занимая какой-нибудь город (в данном случае - Симферополь), «солдаты набрасывались на жителей, раздевали их и сразу, на улице, натаскивали на себя отобранную одежду, швыряя свою разодранную солдатскую несчастному раздетому. Бывали случаи, когда тот самый гражданин по четыре раза подвергался подобному переодеванию, так как следующий за первым солдат оказывался еще более оборванным и прельщался более целой одеждой своего предшественника, и т.д. Кто только мог из жителей, попрятались по подвалам и укромным местам, боясь попадаться на глаза озверелым красноармейцам...»

Стихийную фазу террора вскоре сменила организованная.

17 ноября 1920 года был издан приказ Крымревкома №4, объявивший 3-дневную регистрацию офицеров и солдат Белой армии. Многие из оставшихся на полуострове врангелевцев посчитали, что регистрация - дело

сугубо формальное, поскольку в рядах РККА служило немало мобилизованных офицеров и генералов, не говоря уже о солдатах, большинство из которых успело повоевать как на той, та и на другой стороне.

Поначалу людей регистрировали и распускали по домам. Однако вскоре вышел новый приказ, объявивший повторную регистрацию, и все пришедшие на нее были арестованы и расстреляны.

В своей докладной записке наркому по делам национальностей И. В. Сталину, находившийся в то время в Крыму член коллегии народного комиссариата по делам национальностей М. Х. Султан-Галиев свидетельствовал, что «расстрелы проводились не в одиночку, а целыми партиями, по несколько десятков человек вместе», и что «среди расстрелянных попадало очень много рабочих элементов и лиц, оставшихся от Врангеля с искренним и твердым решением честно служить Советской власти...»

Расправы осуществлялись под руководством председателя крымского ВРК Бела Куна и секретаря крымского комитета РКП (б) Розалии Самойловны Залкинд (Землячки).

В уничтожении «контрреволюционного элемента» также принимали участие и другие партийные деятели. Так, например, в составе чрезвычайных «троек», сотнями выносивших расстрельные приговоры, встречаются имена К. Х. Данишевского, С. С. Дукельского, В. Н. Манцева, А. И. Михельсона... Практически все эти лица будут впоследствии репрессированы.

Среди работников Крымской ЧК особый интерес представляет личность ее коменданта Ивана Дмитриевича Папанина. Будущий видный советский полярник, он был назначен на эту должность в октябре 1920 г. и оставил ее в марте 1921 г. В обязанности коменданта входило приведение в исполнение приговоров и руководство расстрелами.

Вот как отзывался об этом периоде своей жизни сам И. Д. Папанин: «Служба комендантом Крымской ЧК оставила след в моей душе на долгие годы. Дело не в том, что сутками приходилось быть на ногах, вести ночные допросы. Давила тяжесть не столько физическая, сколько моральная. <...> Работники ЧК были санитарями революции, насмотрелись всего. К нам часто попадали звери, по недоразумению называвшиеся людьми. <...> Разговор с ними был короткий: следствие, суд — и к стенке...»

Итогом чекистской карьеры будущего покорителя Арктики стало награждение его орденом Красного знамени... и длительное пребывание в клинике для душевнобольных. Неудивительно, почему прославленный арктический исследователь впоследствии не очень любил вспоминать о своем прошлом...

Будучи в дальнейшем щедро обласканным властью, имея многочисленные правительственные награды, Папанин, пожалуй, был одним из немногих крымских чекистов, благополучно дожившим до старости и умершим своей смертью.

Имя И. Д. Папанина трижды увековечено на географической карте. В Севастополе ему установлен памятник, в честь него названа одна из городских улиц...

В топонимике городов также увековечены главные организаторы геноцида - Бела Кун и Землячка. Так, имя международного палача Бела Куна украшает собой многие мемориальные доски. Площадь его имени есть в Москве, улицы Бела Куна имеются в Симферополе, Санкт - Петербурге и ряде других городов.

С не меньшими почестями власти увековечили память Розалии Самойловны Залкинд: зловонный прах этой фурии был помещен в Кремлевской стене. Там, вместе с останками других изуверов, он покоится и донныне.

Точное количество убитых большевиками в Крыму, пожалуй, никогда не будет известно. По разным оценкам, за период с осени 1920 г. по зиму 1921 г. чекистами было расстреляно от 17 до 120 тыс. человек.

* * *

После исхода белых армий страна оказалась охвачена пожаром крестьянских восстаний.

13 августа 1920 г. вспыхнуло восстание в Тамбовской губернии, в январе 1921 г. взяли за оружие крестьяне Западной Сибири. 60 тысяч сибирских крестьян сформировали народную армию и захватили значительные части Челябинской, Омской и Тюменских губерний, осадили города Курган и Ишим.

Доведенные до отчаянья чудовищным произволом, поставленные на грань вымирания, крестьяне бросались на пулеметы карателей, во множестве гибли, но обращали грабителей в бегство.

«...несмотря на груды трупов, их ярость не поддается описанию», - признавал советский мемуарист М. Бернштам.

Эти во многом стихийные народные выступления были в буквальном смысле слова утоплены большевиками в крови.

Против вооруженных винтовками и гладкоствольными ружьями повстанцев использовались все новинки боевой техники: броневики, авиация и ядовитые газы.

Приказ №171 от 12 июня 1921 г., выпущенный за подписями М. Н. Тухачевского и В. А. Антонова-Овсеенко предписывал с целью «немедленной очистки лесов» от восставших крестьян применять ядовитые газы, точно при этом рассчитывая, чтобы «облако удушливых газов распространялось полностью по всему лесу, уничтожая все, что в нем пряталось».

Для борьбы с повстанчеством была до предела усилена система заложничества. Семьи восставших крестьян подлежали расстрелу.

Приказ оперштаба Тамбовской ЧК от 1 сентября 1920 г. требовал «провести к семьям восставших беспощадный красный террор, арестовать в таких семьях всех с 18-летнего возраста, не считаясь с полом. Если бандитские выступления будут продолжаться, расстреливать их».

Это была настоящая война на уничтожение, развязанная властью против собственного народа. Только при подавлении восстания в Тамбовской губернии карателями было убито более 100 тыс. крестьян.

Однако решающим фактором, позволившим уничтожить крестьянскую вольницу, стал искусственно созданный голод.

Начавшись в Поволжье, гуманитарная катастрофа распространилась на всю Левобережную Украину, охватила Крым, Центрально-Черноземный район, часть Урала.

35 губерний с населением 90 млн. человек превратились в зону всеобщего бедствия. Информационные сводки тех лет пестрели сообщениями о самоубийствах на почве голода и массовом людоедстве.

Так, в Самарской губернии были арестованы две женщины, которые убили старых бродяг и съели их мясо. В Пугачевском уезде жарили трупы, вырытые с кладбища. В Актюбинском уезде на рынке замечена продажа жареного человеческого мяса, вследствие чего властями был издан приказ о запрещении торговли жареным мясом.

В Севастополе голодало свыше 37 тыс. человек. За первые пять месяцев 1922 г. от голода погибло 14154 человека. По улицам валялись трупы умерших, которые никто не хотел убирать.

1 июня 1922 г. газета «Маяк коммуны» писала: «Это был не просто голод, это голод, ведущий к вымиранию целых селений и безумству людоедства».

В подтверждение того, что голод, унесший более 7 млн. человеческих жизней, был инспирирован представителями богороческой власти, красноречиво говорят слова Ульянова-Ленина: «недалеко от Москвы, в губерниях, лежащих рядом: в Курской, Орловской, Тамбовской, мы имеем по расчетам осторожных специалистов еще теперь до 10 млн. пудов избытка хлеба. <...> Нам надо не только сломить какое бы то ни было сопротивление. Нам надо заставить работать в новых организационных государственных рамках. Мы имеем средство для этого... Это средство - хлебная монополия, хлебная карточка, всеобщая трудовая повинность. <...> Потому что распределяя его (хлеб), мы будем господствовать над всеми областями труда».

Сознательно усугубляя последствия катастрофы, вызванной отчасти природными факторами, власти стремились уничтожить как можно больше своих потенциальных и открытых противников, чтобы превратить оставшуюся часть жителей в покорных и бесправных рабов.

Охваченные голодом области блокировались войсками. На дорогах и станциях выставлялись кордоны, и люди не могли уехать за хлебом в соседние области, по сути, обрекаясь на гибель.

Как вспоминал эмигрировавший впоследствии из страны участник Белого движения, офицер Корниловского ударного полка, сербский доброволец А.Р. Трушнович, чудом избежавший смерти в чекистском застенке и живший в дальнейшем в СССР по поддельным документам до 1934 г., «на моих глазах крестьян стаскивали с крыш вагонов, с буферов, отбирали последние фунты муки, обмененные на одежду вдалеке от родного села,

где голодающая семья ожидала отца с хлебом. Рядом со мной на крыше вагона рыдал крестьянин, оставшийся без шубы и без хлеба. Из-под Саратова он ехал на буферах, на крышах товарных поездов, голодный, измученный, чтобы в Дагестане обменять шубу на два пуда кукурузной муки для семьи из трех малых детей, жены и старика-отца, у которых в день его отъезда оставалось шесть фунтов муки. На станции Кавказская заградительный отряд отнял у него все и избил за слишком настойчивую мольбу:

— Я перед ними на колени: нешто вы не люди? Родные, детишки голодные! Отдайте...

— Они меня ругать и вот как прикладом ахнули! Антихристы! Россия-матушка, что с тобою стало? Хоть бросайся под поезд. На что теперь ехать домой?

И на всех узловых станциях те же самые потрясающие картины. Сидишь на крыше вагона и с ужасом смотришь на неслыханные издевательства над русским народом. Не бред ли наяву все это? Но нет: толчок поезда, грудь сжимается от бессильной ярости. Значит, не бред, а страшная действительность. За Екатеринославом я видел, как заградительный отряд остановил поезд за полверсты от станции, как всех мешочников выгнали в степь, как на них набросились, отбирая абсолютно все продукты, которые те везли с собой. Над степью поднялся стон, плач, дикие крики и причитания. В голоса ограбленных людей врывались гнусные, бессмысленные ругательства державных грабителей. Когда мы подошли, чтобы поближе посмотреть на это зрелище, нас отогнали выстрелами».

Укоренившись на костях миллионов казненных и замученных граждан, советский режим продолжал орошать покоренную землю все новыми и новыми потоками крови.

По самым скромным подсчетам, с 1918 по 1953 г.г. страна потеряла как минимум треть своего населения. Десятки миллионов людей были расстреляны, умерли в лагерях от непосильной работы, голода, холода и болезней, погибли на фронтах гражданской и Великой Отечественной войн.

Антинациональное по своей сути, советское государство весь 74-летний период своей кровавой истории оставалось открыто враждебным национальным, религиозным и культурным традициям, складывающемуся веками общественному укладу и образу жизни.

Вся территория бывшей Российской империи стала ареной грандиозных экспериментов, в ходе которых обрекались на вымирание представители различных народов и выходцы из разных социальных слоев.

При этом наиболее пагубным образом десятилетия коммунистического владычества, прежде всего, сказались на русском народе, которому был нанесен наиболее страшный урон.

В ходе кампаний террора 1920-1930-х г.г., организованного голода и раскулачивания была уничтожена лучшая часть нации, ее золотой генофонд.

В отношении оставшейся части народа осуществлялось последовательное вытравливание национального чувства с заменой его лживыми пропагандистскими мифами, многие из которых живы и по сей день.

Прилавки книжных магазинов завалены творениями советских апологетов; улицы городов по-прежнему носят имена палачей и убийц; из уст российских государственных деятелей все чаще слышны о неприемлемости «переписывания» истории и осуждения преступлений режима.

Между тем, законодательное признание преступной сущности большевизма является не данью изменчивым веяньям времени, а важной необходимостью.

Отмежевание от собственного кровавого прошлого, проведение открытого общественного суда над большевистской идеологией, ликвидация памятников творцам и идеологам геноцида, изгнание их имен с названий городских улиц станет существенным вкладом в дело восстановления исторической справедливости и предупреждения подобных преступлений в дальнейшем.

Автор: Артур Скальский © Великая эпоха ИСТОРИЯ, ИРКУТСК 👁 5467 03.09.2008, 22:55 📌 242

URL: <https://babr24.com/?ADE=47329> Bytes: 30037 / 30012 Версия для печати

 [Порекомендовать текст](#)

Поделиться в соцсетях:

Также читайте эксклюзивную информацию в соцсетях:

- [Телеграм](#)
- [Джем](#)
- [ВКонтакте](#)
- [Одноклассники](#)

Связаться с редакцией Бабра в Иркутской области:
irkbabr24@gmail.com

Автор текста: **Артур
Скальский.**

НАПИСАТЬ ГЛАВРЕДУ:

Телеграм: [@babr24_link_bot](#)
Эл.почта: newsbabr@gmail.com

ЗАКАЗАТЬ РАССЛЕДОВАНИЕ:

эл.почта: bratska.net.net@gmail.com

КОНТАКТЫ

Бурятия и Монголия: Станислав Цырь
Телеграм: [@bur24_link_bot](#)
эл.почта: bur.babr@gmail.com

Иркутск: Анастасия Суворова
Телеграм: [@irk24_link_bot](#)
эл.почта: irkbabr24@gmail.com

Красноярск: Ирина Манская
Телеграм: [@kras24_link_bot](#)
эл.почта: krasyar.babr@gmail.com

Новосибирск: Алина Обская
Телеграм: [@nsk24_link_bot](#)
эл.почта: nsk.babr@gmail.com

Томск: Николай Ушайкин
Телеграм: [@tomsk24_link_bot](#)
эл.почта: tomsk.babr@gmail.com

[Прислать свою новость](#)

ЗАКАЗАТЬ РАЗМЕЩЕНИЕ:

Рекламная группа "Экватор"
Телеграм: [@babrobot_bot](#)
эл.почта: equatoria@gmail.com

СТРАТЕГИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО:

эл.почта: babrmarket@gmail.com

[Подробнее о размещении](#)

[Отказ от ответственности](#)

[Правила перепечаток](#)

[Соглашение о франчайзинге](#)

[Что такое Бабр24](#)

[Вакансии](#)

[Статистика сайта](#)

[Архив](#)

[Календарь](#)

[Зеркала сайта](#)